

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/TEP-26-27>

УДК/UDC: 159.923

Психологические факторы репродуктивной активности личности

А.Ш. Гусейнов[✉], З.И. Рябикина, В.В. Шиповская

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

[✉] AGuseinov@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Репродуктивная активность — это сложный динамичный процесс экзистенциального самоопределения в интегральной системе родительства, обеспечивающий развитие и реализацию субъектности личности. В информационном обществе репродуктивная активность личности реализуется на фоне многих противоречий, в связи с чем особую значимость приобретает изучение психологических факторов и механизмов, связанных с репродуктивной сферой.

Цель. Исследование факторов и механизмов, определяющих специфику репродуктивной активности личности и обуславливающих благоприятную или неблагоприятную predisposedность к деторождению.

Выборка. В исследовании приняли участие 479 респондентов в возрасте от 17 до 46 лет ($M_{\text{возраст}} = 33,22$; $SD = 10,01$; 39,2% — мужчины), проживающих в г. Краснодаре, Краснодарском крае и других регионах России.

Методы. Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (А.Б. Холмогорова и др.); Опросник привязанности к родителям и сверстникам Г. Армсден и М. Гринберг; тест «Личностная беспомощность» В.В. Шиповской; тест «Протестная активность личности» А.Ш. Гусейнова; тест интернет-зависимости К. Янг. Обработка результатов осуществлялась с помощью программ IBM SPSS 23, AMOS 23 и MS Excel. Для анализа использовались описательные статистики, корреляционный анализ, множественный регрессионный анализ, SEM.

Результаты. Продемонстрирован вклад психологических факторов и механизмов, обуславливающих predisposedность к деторождению: конструктивный опыт семейного общения в родительской семье, надежная привязанность к родителям, позитивный образ родителей и доверие к ним, самостоятельность. Значимыми предикторами низкой мотивации к рождению детей являются отчужденность от родителей, беспомощность (бездействие, отчужденность, руминация), протестная активность (негативизм, эскапизм, аномия, оппозиция), интернет-зависимость. Для большинства респондентов жилищные условия — значимый показатель в планировании числа детей.

Выводы. Благоприятный семейный климат, эмоциональная близость, позитивные родительские репрезентации, привязанность и доверие к родителям, эмансипация побуждают к детности, способствуя построению модели семейной

жизни. Тип привязанности выступает механизмом, формирующим отношение к родительству, определяя динамику и специфику репродуктивной активности личности. Выделены основания репродуктивной пассивности: отчужденность, беспомощность, склонность к деструктивной протестной активности, интернет-зависимость.

Ключевые слова: репродуктивная активность личности, субъектно-бытийный подход, семейный климат, образ родителей, привязанность, самостоятельность, протестная активность, эскапизм, беспомощность, интернет-зависимость

Для цитирования: Гусейнов, А.Ш., Рябикина, З.И., Шиповская, В.В. (2026). Психологические факторы репродуктивной активности личности. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 19(3), 132–153. <https://doi.org/10.11621/TEP-26-27>

Psychological Factors of Reproductive Activity of Personality

Alexander Sh. Guseinov[✉], Zinaida I. Ryabikina,
Victoria V. Shipovskaya

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

[✉]AGuseinov@yandex.ru

Abstract

Background. Reproductive activity is a complex, dynamic process of existential self-determination within the integral system of parenthood, which ensures the development and realization of an individual's subjectivity. In information society, the reproductive activity of a person is realized against the backdrop of many contradictions, which is why the study of psychological factors and mechanisms related to the reproductive sphere becomes particularly important.

Objective. A study of the factors and mechanisms that influence the specific nature of a person's reproductive activity and determine a favorable or unfavorable predisposition to childbearing.

Sample. The study involved 479 respondents aged 17 to 46 ($M = 33.22$; $SD = 10.01$; 39.2% — male), living in the city of Krasnodar, the Krasnodar Territory, and other regions of Russia.

Methods. Family Emotional Communication Questionnaire (A.B. Kholmogorova et al.); Attachment to Parents and Peers Questionnaire by G. Armsden and M. Greenberg; test "Personal Helplessness" by V.V. Shipovskaya; test "Protest Activity of the Individual" by A.Sh. Guseynov; the Internet Addiction Test by K. Young. The data were processed using the programs IBM SPSS 23, AMOS 23 and MS Excel by means of descriptive statistics, correlation analysis, multiple regression analysis, and SEM.

Results. The study has demonstrated the contribution of psychological factors and mechanisms that determine predisposition to childbearing, namely: secure attachment to parents, a positive image of parents and trust in them, independence. Whereas alienation from parents, helplessness (inaction, alienation, rumination), protest (negativism, escapism, anomie, opposition), and internet addiction turned to be significant

predictors of low motivation to have children. For most respondents, housing conditions is a significant factor for planning the number of children.

Conclusions. A favorable family climate, emotional closeness, the experience of secure attachment to parents, positive parental representations, and independence encourage having children and contribute to building a model of family life. The type of attachment acts as a mechanism that shapes the attitude towards parenthood, determining the dynamics and specifics of a person's reproductive activity. Alienation, helplessness, a tendency toward destructive protest activity, and internet addiction form the grounds for reproductive passivity.

Keywords: reproductive activity of personality, subjectbeing approach, family climate, image of parents, attachment, independence, protest activity, escapism, helplessness, internet addiction

For citation: Guseinov, A.Sh., Ryabikina, Z.I., Shipovskaya, V.V. (2026). Psychological factors of reproductive activity of personality. *Theoretical and Experimental Psychology*, 19(3), 132–153. <https://doi.org/10.11621/TEP-26-27>

Введение

В социокультурной ситуации возрастающей транзитивности, когда характеристики бытия человека претерпевают существенные изменения, проблема репродуктивной активности личности стала острой темой для психологии. В последние годы произошла идеологическая перестройка, связанная с разрывом в преемственности семейных традиций, увеличением обезличенности в сфере общения, возникновением новых моделей семейных отношений, которая обусловила трансформацию отношения к родительству (Рябикина и др., 2025; Золотова и др., 2026). Изменилась приоритетность бытийных пространств человека, который теперь ориентирован на самообразование и самореализацию в профессиональной сфере, а родительство воспринимает как необязательный формат бытия. Ограничивает процесс репродуктивной активности (РА) столкновение с неустранимой неопределенностью существования (Моросанова, 2022), виртуализация бытия, а также неспособность занять субъектную позицию в системе имеющихся противоречий.

На данный момент наблюдается большой разброс точек зрения относительно понятия «репродуктивная активность», которое чаще встречается в социологических и демографических исследованиях и нередко отождествляется с другими конструктами (генеративность, репродуктивное поведение, прокреативность), что приводит к многозначности его трактовок. Показано влияние социокультурных, экономических и физиологических факторов на репродуктивную активность, однако психологические механизмы, лежащие в ее основе, изучены недостаточно (McAllister et al., 2016). При этом подчеркивается приоритет психологических факторов при принятии решения о рождении ребенка над социально-экономическими факторами (Колышко и др., 2014).

В рамках психологической науки различные аспекты РА обсуждаются в психологии личности, психологии развития, психологии родительства, репродуктивной психологии. Конструкт «репродуктивная активность» раскрывается в контексте исследования феномена родительства (Guzzo, Hayford, 2020; Kuersten-Hogan, McNale, 2021), трансформации семейно-брачных отношений и феномена отложенного материнства (Золотова и др., 2026); готовности к беременности и материнству (Шиповская, 2010; Фоменко, 2008), принятия решения о рождении ребенка (Brase, Brase, 2012; Rotkirch, 2007). В различных подходах акцентируется процессуальная природа феномена — динамичность и непрерывное разворачивание. Авторы отмечают, что репродуктивная установка, входящая в систему репродуктивной активности, усваивается в раннем возрасте в семье, но ее содержание не осознается (Пальцева, 2006; Фоменко, 2008). Вместе с тем отдельные положения, гипотезы, эмпирические исследования не сформированы в системную концепцию репродуктивной активности личности.

Теоретическое обоснование

Эвристичным представляется рассмотрение вопросов репродуктивной активности личности с позиций субъектно-бытийного подхода к личности, основные положения которого сформулированы в работах З.И. Рябикиной, Г.Ю. Фоменко, А.Ш. Гусейнова. Готовность к родительству связывается с личностной зрелостью, субъектной позицией, модусом бытия личности, а также с преобразованием объективных пространств в бытийные (Рябикина и др., 2025). Продемонстрирована положительная взаимосвязь готовности к материнству с экзистенциальным самоопределением в дихотомии «жизнь — смерть» (личное бессмертие в детях) (Фоменко, 2008). Подчеркнуто, что родительство как значимое бытийное пространство личности и базовое экзистенциальное предназначение человека обеспечивает обретение благополучия в одобряемых социумом форматах реализации личностью природных интенций, создавая условия для реализации личности как субъекта аутентичного бытия. Доказано, что в процессе ориентации на модус служения и реализацию родительства формируются подлинно субъектные качества (ответственность, зрелость, эмпатия), возрастает самоуважение, которое коррелирует с удовлетворенностью жизнью и субъективным благополучием (Рябикина и др., 2025; Шиповская, Гусейнов, 2024). Соответственно, родительство рассматривается через конструкт персонализации, в процессе которой осуществляется идеальная представленность в жизни детей. Продолжая себя в детях (инобытие в детях), человек транслирует им свою субъектность и тем самым создает условия для достойной самореализации и самоутверждения.

Существует ряд психологических факторов, которые могут оказывать влияние на характер РА: специфика личностных характеристик, взаимоотношения в родительской семье, семейные традиции и особенности представлений о родительстве, сформированные в результате воспитания (Clutterbuck et al., 2014).

Важные события в других жизненных сферах (образование, карьера и отношения с партнерами) также влияют на систему РА, определяя ее динамику (Фоменко, 2008).

Исследователи признают в качестве ключевого фактора РА внутрисемейные отношения (Simpson, Rholes, 2019; Hui Yap et al., 2014). Установлена прямая взаимосвязь между желаемым количеством детей в будущей семье и количеством детей в родительской семье, ее типом (полная, неполная) (Пальцева, 2006).

В зависимости от характера семейных взаимоотношений коренным образом будет различаться отношение к родительству, отражаясь на специфике РА. Семья может выступать источником возникновения депрессивных и тревожных расстройств, которые связаны с недостатком тепла, частыми конфликтами и отвержением со стороны родителей (Холмогорова и др., 2016). Отчуждение со стороны отца побуждает девушек к более ранним первым родам, не повышая интереса к младенцам (Delpriore, Hill, 2013; Clutterbuck et al., 2014). Отчуждение со стороны матери создает условия для развития негативных представлений о себе как о недостойном любви, что способствует формированию ненадежного типа привязанности, проявляющегося в зависимом или избегающем поведении (Сабельникова и др., 2023). Позже привычная модель зависимых отношений переносится на взаимодействие с партнером, что создает риски для реализации родительской функции. Более благоприятный семейный климат склоняет к РА, ориентированной на ее качество (Belsky, 2012). Как видно, исследователи придают большое значение семейному контексту (характеру взаимоотношений), модели привязанности, которая влияет на характер РА. Однако эмпирических исследований, раскрывающих механизмы такого влияния, недостаточно.

Между тем феномен РА затрагивает многие аспекты личностного бытия и связан с моделью семьи, выбором брачного партнера, созданием семьи, готовностью к родительству — принятием решения о рождении определенного количества детей. В этой связи особое значение приобретает исследование факторов и психологических механизмов, влияющих на специфику РА и обуславливающих благоприятную или неблагоприятную предрасположенность к деторождению.

Репродуктивная активность рассматривается нами в экзистенциальном аспекте как сложный высокодинамичный процесс экзистенциального самоопределения в интегральной системе родительства, обеспечивающего развитие и реализацию субъектности личности. Мы предположили, что ряд психологических факторов (семейные коммуникации, родительские репрезентации, качество родительской привязанности; позитивные и негативные личностные характеристики, частота использования интернета) определяют содержание РА личности во взрослом возрасте. Этот комплекс взаимосвязанных факторов, определяющих специфику РА личности, до сих пор не выступал объектом внимания в психологии личности.

Выборка

В исследовании приняли участие 479 респондентов в возрасте от 17 до 46 лет, проживающих в г. Краснодаре, Краснодарском крае и других регионах России ($M_{\text{возраст}} = 33,22$; $SD = 10,01$; 39,2% — мужчины, 60,8% — женщины). Образование: незаконченное среднее — 1,7%; среднее — 1,9%; среднее специальное — 11,5%; незаконченное высшее — 19,4%; высшее — 71,9%; аспирантура — 1,3%. Число планируемых детей по выборке: $M = 1,55$; $SD = 1,01$.

Методы

Для изучения психологических факторов, влияющих на специфику репродуктивной активности личности, был сформирован комплекс методик:

1. Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации», СЭК (Холмогорова и др., 2016), позволяющий выявлять дисфункции в родительских семьях взрослых людей. Шкалы: родительская критика, индуцирование тревоги в семье, элиминирование эмоций, фиксация на негативных переживаниях, внешнее благополучие, сверхвключённость, семейный перфекционизм.
2. Опросник привязанности к родителям и сверстникам Г. Армсден и М. Гринберг в адаптации Н.В. Сабельниковой и др. (Сабельникова, 2023), оценивающий качество привязанности и отношение к близким людям. Шкалы: доверие, общение, отчуждение.
3. Тест «Личностная беспомощность» (БПЛ) (Шиповская, Гусейнов, 2026), отслеживающий проявления личностной беспомощности. Шкалы: бездействие, отчужденность, застревание (руминация), безнадежность.
4. Тест «Протестная активность личности» (ПАЛ) (Гусейнов, 2017), позволяющий оценить склонность к определенной форме протестной активности. Шкалы: негативизм, эмансипация, anomia, оппозиция, эскапизм.
5. Тест интернет-зависимости (IAT) К. Янг в адаптации В.А. Лоскутовой, (Лоскутова, 2004). оценивающий отношение к интернету и степень зависимости от него.

Дополнительно использовалась авторская анкета, позволяющая собрать информацию об уровне дохода, обеспеченности жильем и образовании, желаемом количестве детей. Число планируемых детей является эмпирическим маркером РА. Обработка результатов осуществлялась с помощью программ «SPSS Statistics 23», «SPSS AMOS 23», и «MS Excel». Дополнительная проверка осуществлялась в программной среде lavaan. Для анализа данных использовались описательные статистики, корреляционный анализ по Спирмену, множественный регрессионный анализ (MRA), SEM.

Результаты исследования

В ответах на вопрос о планируемом количестве детей обнаружилось пропуски, составившие примерно 6,9% выборки. Распределение выборки по полу показано на Рисунке 1.

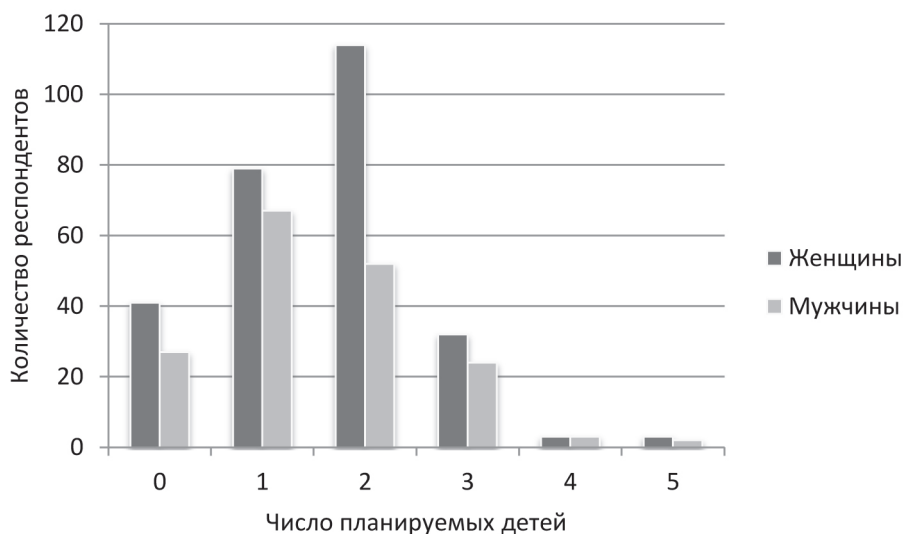

Рисунок 1

Число планируемых детей у мужчин и женщин (N = 447)

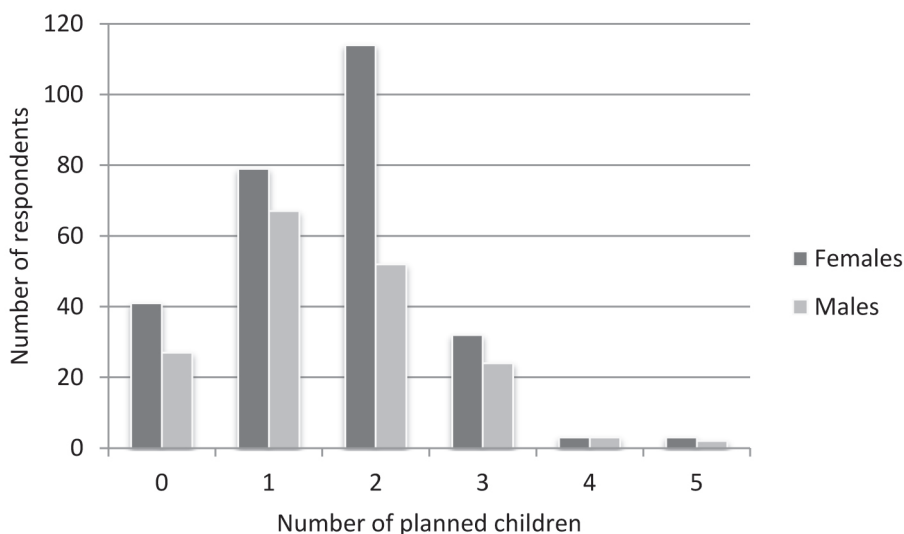

Figure 1

The number of children planned by men and women (N = 447)

Проанализированы результаты по выборке молодых людей, возраст которых предполагал более осознанный подход к планированию количества детей. Учитывались факторы, определяющие активность, самостоятельность, готовность к построению значимых бытийных пространств, обеспечивающих возможность создания лучшей воспитательной среды для детей, теплой семейной атмосферы, включая сотрудничество с родительской семьей.

Выявлены значимые положительные корреляции показателя РА, эмпирическим маркером которой выступает число планируемых детей, со шкалами *Элиминация эмоций* ($r_s = 0,110$; $p < 0,05$) и *Внешнее благополучие* ($r_s = 0,100$; $p < 0,05$) методики «Семейные эмоциональные коммуникации». Зафиксированы позитивные связи РА со шкалами *Доверие к отцу* ($r_s = 0,145$; $p < 0,01$) и *Доверие к матери* ($r_s = 0,170$; $p < 0,01$), с *Индексом привязанности к отцу* ($r_s = 0,141$; $p < 0,01$) и *Индексом привязанности к матери* ($r_s = 0,119$; $p < 0,05$), а также отрицательная связь со шкалой *Отчужденность к матери* ($r_s = -0,102$; $p < 0,05$). Наблюдаются отрицательные связи показателя РА со всеми шкалами деструктивной протестной активности: *Негативизм* ($r_s = -0,282$; $p < 0,01$), *Оппозиция* ($r_s = -0,223$; $p < 0,01$), *Аномия* ($r_s = -0,403$; $p < 0,01$), *Эскапизм* ($r_s = -0,311$; $p < 0,01$) и положительная связь со шкалой конструктивного протеста: *Эмансипация* ($r_s = 0,284$; $p < 0,01$). Прослеживаются негативные корреляции РА со шкалами *Отчужденность* ($r_s = -0,199$; $p < 0,01$), *Застревание* ($r_s = -0,168$; $p < 0,01$) и *Безнадежность* ($r_s = -0,109$; $p < 0,05$) теста «Личностная беспомощность». Получена отрицательная корреляция показателя РА со шкалой *Зависимость от интернета* ($r_s = -0,304$; $p < 0,01$) методики К. Янг.

Далее проведен множественный регрессионный анализ (МРА) показателя РА со всеми шкалами методик.

Таблица 1
Результаты регрессионного анализа. Статистика моделей и индексы с разными предикторами

Предикторы	B	SE B	β	t	p	VIF
Модель 1 N = 480						
Шаговый отбор						
Зависимая переменная: Планируемые дети (РА)						
(Константа)	1,235	0,295		4,186	0,000	
Жилье	0,175	0,061	0,125	2,878	0,004	1,028
Элиминация эмоций	0,039	0,015	0,113	2,621	0,009	1,019
Эмансипация	0,021	0,009	0,105	2,242	0,025	1,209
Аномия	-0,038	0,007	-0,278	-5,480	0,000	1,412
Зависимость от интернета	-0,007	0,003	-0,104	-2,171	0,030	1,268
Статистика модели 1						
$R = 0,444$; $R^2 = 0,197$; $R_{Adj}^2 = 0,187$; $F(5, 441) = 21,659$; $p = 0,001$						
Модель 2 N = 480						
Метод ввода						
Зависимая переменная: Планируемые дети (РА)						
(Константа)	1,058	0,357		2,961	0,003	

Жилье	0,179	0,064	0,127	2,776	0,006	1,037
Элиминация эмоций	0,045	0,016	0,130	2,872	0,004	1,019
Доверие матери	0,012	0,006	0,099	2,101	0,036	1,097
Зависимость от интернета	-0,016	0,003	-0,230	-4,902	0,000	1,097
Статистика модели 2	R = 0,339; R ² = 0,115; R _{Adj} ² = 0,107; F(4, 441) = 14,346; p = 0,001					

Table 1
Results of the regression analysis. Model statistics and indices with different predictors

Predictors	B	SE B	β	t	p	VIF
Model 1 N = 480 Stepwise	Dependent variable: Planned children (RA)					
(Constant)	1.235	0.295		4.186	0.000	
Housing	0.175	0.061	0.125	2.878	0.004	1.028
Elimination of emotions	0.039	0.015	0.113	2.621	0.009	1.019
Emancipation	0.021	0.009	0.105	2.242	0.025	1.209
Anomie	-0.038	0.007	-0.278	-5.480	0.000	1.412
Internet addiction	-0.007	0.003	-0.104	-2.171	0.030	1.268
Model 1 statistics	R = 0.444; R ² = 0.197; R _{Adj} ² = 0.187 F(5, 441) = 21.659; p = 0.001					
Модель 2 N = 480 Enter	Dependent variable: Planned children (RA)					
(Constant)	1.058	0.357		2.961	0.003	
Housing	0.179	0.064	0.127	2.776	0.006	1.037
Elimination of emotions	0.045	0.016	0.130	2.872	0.004	1.019
Trust in mother	0.012	0.006	0.099	2.101	0.036	1.097
Internet addiction	-0.016	0.003	-0.230	-4.902	0.000	1.097
Model 2 statistics	R = 0.339; R ² = 0.115; R _{Adj} ² = 0.107; F(4, 441) = 14.346; p = 0.001					

Установлены две значимые регрессионные модели с полностью значимыми предикторами РА: Модель 1 и Модель 2. Согласно Модели 1, строгость воспитания в родительской семье — элиминация эмоций ($\beta = 0,13$) может сочетаться с нормативностью поведения (низкой аномией) ($\beta = -0,278$), эмансипацией (стремлением к независимости) ($\beta = 0,105$), отсутствием зависимости от интернета ($\beta = -0,104$), потребностью в улучшении жилищных условий ($\beta = 0,125$). В модели 2 — три значимых предиктора: интернет-зависимость ($\beta = -0,23$); элиминация эмоций ($\beta = 0,13$) и наличие жилья ($\beta = 0,125$), добавляется доверие к матери ($\beta = 0,99$).

Результаты корреляционного и регрессионного анализов дают основание для подтверждения предположения о наличии положительных факторов, оформляющих готовность к будущему родительству: благоприятный семейный климат, комфортное общение в родительской семье, позитивный образ родителей,

выступающий в качестве образца, а также самостоятельность (эмансипация). Влияние фиктивной переменной Пол с градацией (0,1) на репродуктивную активность в уравнениях MRA не выявлено ($p > 0,4$).

Доказано влияние негативных детерминант РА, таких как склонность к деструктивной протестной активности (непринятие других, anomия), нежелание разрешать жизненные противоречия, заикленность на проблемах, отчужденность и капитуляция, а также уход от реального общения в виртуальную среду и зависимость от интернета.

С целью установления структуры переменных и иерархии факторов, влияющих на репродуктивную активность, проведен ЕФА (КМО = 0,858; Бартлетт $p = 0,001$). Согласно критерию Кайзера, выделено три фактора с общей ДОД 67%. На основе выделенных факторов сделан анализ структурных моделей SEM. Показатели основных индексов соответствия модели (с учетом корреляций ошибок в остатках НП) не идеальные, но находятся в пределах приемлемых значений: $\chi^2/df = 2,41$; CFI = 0,953; TLI = 0,939; RMSEA = 0,061; SRMR = 0,055.

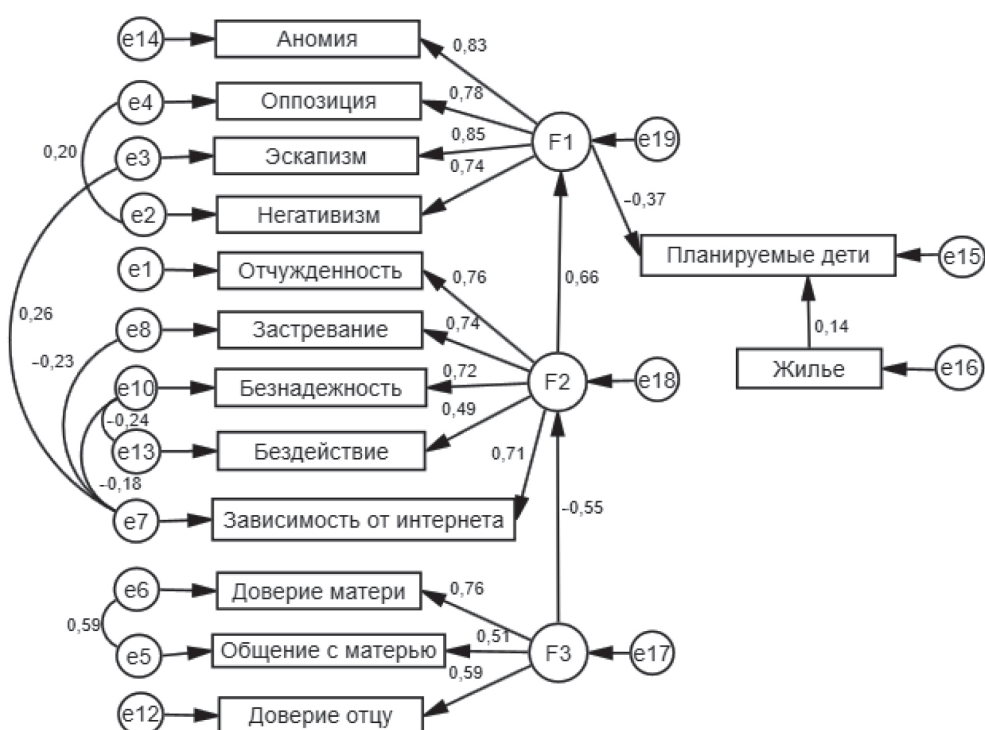

Рисунок 2
Структурная модель взаимовлияния переменных, определяющих репродуктивную активность

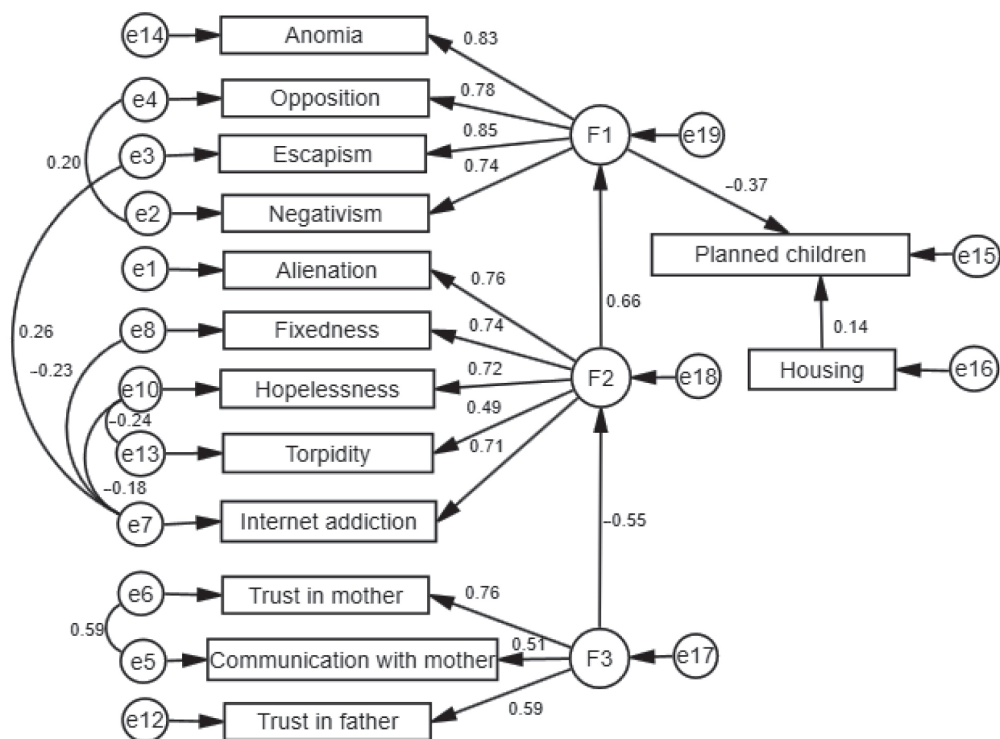

Figure 2
Structural equation model of influences among variables determining reproductive activity

Как показано на Рисунке 2, отсутствие позитивных отношений с родителями (F3) отрицательно влияет на беспомощность, отстраненность (F2 ($\beta = -0,55$)), косвенно влияет на протест и аномию (F1 ($\beta = 0,66$)) и опосредованно влияет на снижение репродуктивных планов ($\beta = 0,13$). Довольно высокие нагрузки в пределах $\beta \in [-0,37; 0,66]$ и общая содержательная направленность всех трех факторов позволяют считать их деструктивным симптомокомплексом, затрудняющим репродуктивную активность. Прямое влияние протеста и аномии F1 на РА достаточно велико ($\beta = 0,37$). Косвенный эффект беспомощности, отстраненности F2 на РА умеренный ($\beta = 0,24$). Фактор F3 (родительские репрезентации и привязанность) в модели не обладает самостоятельной прогностической силой в отношении числа планируемых детей. Влияние фактора F3 на репродуктивные намерения полностью опосредовано комплексом взаимосвязанных деструктивных факторов F1 и F2.

Схема SEM на Рисунке 2 демонстрирует основной, типичный паттерн развертывания системы РА, где доверительные отношения опосредованно влияют на элиминацию деструктивного комплекса отчужденности и аномии. Показано, что не столько негативные отношения с родителями, а именно отсутствие доверительных отношений и теплых контактов в семье снижают репродуктивную

активность. Для более полного анализа предикторов РА были построены модели множественной линейной регрессии MRA отдельно для выборок мужчин и женщин (Таблица 2).

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа. Статистика моделей и индексы с разными предикторами

Модели MRA Метод ввода	Модель 3 Мужчины N = 175				Модель 4 Женщины N = 270			
Зависимая переменная:	R = 0,518; R ² = 0,268;				R = 0,451; R ² = 0,203;			
Планируемые дети.	R _{Adj} ² = 0,219;				R _{Adj} ² = 0,194;			
Статистика моделей:	F(5, 170) = 12,476; p = 0,001				F(2, 268) = 22,750; p = 0,001			
Предикторы	β	t	p	VIF	β	t	p	VIF
Жилье	0,290	4,333	0,000	1,047				
Элиминация эмоций					0,130	2,388	0,018	1,002
Внешнее благополучие	0,161	2,421	0,017	1,029				
Отчужденность от отца	-0,163	-2,398	0,018	1,063				
Эмансипация					0,156	2,569	0,011	1,236
Аномия	-0,191	-2,581	0,011	1,027	-0,336	-5,553	0,000	1,233
Зависимость от интернета	-0,185	-2,498	0,013	1,027				

Table 2

Results of the regression analysis. Model statistics and indices with different predictors

Models MRA Stepwise	Model 3 Males N = 175				Модель 4 Females N = 270			
Dependent variable:	R = 0.518; R ² = 0.268;				R = 0.451; R ² = 0.203;			
Planned children.	R _{Adj} ² = 0.219;				R _{Adj} ² = 0.194;			
Model statistics:	F(5, 170) = 12.476; p = 0.001				F(2, 268) = 22.750; p = 0.001			
Predictors	β	t	p	VIF	β	t	p	VIF
Housing	0.290	4.333	0.000	1.047				
Elimination of emotions					0.130	2.388	0.018	1.002
External well-being	0.161	2.421	0.017	1.029				
Alienation from the father	-0.163	-2.398	0.018	1.063				
Emancipation					0.156	2.569	0.011	1.236
Anomia	-0.191	-2.581	0.011	1.027	-0.336	-5.553	0.000	1.233
Internet addiction	-0.185	-2.498	0.013	1.027				

Выявлено, что паттерн значимых регрессоров у мужчин и женщин заметно различается. Общим предиктором для обеих подвыборок является только анония: у мужчин ($\beta = -0,130$) и у женщин ($\beta = -0,336$). Отрицательный знак коэффициента свидетельствует о том, что анония является предиктором, снижающим показатель числа планируемых детей (РА). Значимый вес отчужденности от отца с отрицательным знаком ($\beta = -0,163$) у мужчин подкрепляет представление о важности суперэго и уважения к фигуре отца. Важным параметром РА мужчин является независимость от интернета ($\beta = -0,185$). У женщин преобладает элиминация эмоций с ($\beta = 0,130$), а у мужчин — внешнее благополучие ($\beta = 0,161$). Шкала внешнего благополучия методики СЭК отражает проблемные отношения в семье, когда семья внешне выглядит как успешная, но это благополучие показное, а общение — фасадное. Шкала элиминации эмоций методики СЭК отслеживает холодность в отношениях, подавление чувств в семье и «суховость» в общении.

Планируемые дети (РА) — порядковая переменная с 6 градациями. Поэтому с помощью порядковой регрессии OLR все модели дополнительно проверены, и их показатели близки к моделям MRA ML.

Модель 1. Подгонка модели значима $\chi^2(5) = 101,925$, $p < 0,001$. Критерий согласия Пирсона $p = 0,988$ высокий. Критерий Nagelkerke псевдо $R^2 = 0,218$ средний. Допущение пропорциональности Test of Parallel Lines (TPL) $p = 0,959$, при $p > 0,05$ не нарушено. OR $\in [0,92; 2,48]$. Все предикторы β значимы ($p \leq 0,05$).

Модель 2. Модель значима $\chi^2(4) = 54,70$, $p < 0,001$. Критерий Пирсона $p = 0,999$ высокий. Псевдо $R^2 = 0,123$ умеренный. Допущение TPL $p = 0,358$ не нарушено. OR $\in [0,97; 1,46]$. Все предикторы β значимы ($p \leq 0,05$).

Модель 3. Мужчины. Модель значима $\chi^2(5) = 55,154$, $p < 0,001$. Критерий Пирсона $p = 0,973$ высокий. Псевдо $R^2 = 0,287$ высокий. Допущение TPL $p = 0,923$ не нарушено. OR $\in [0,97; 1,46]$. Все предикторы β значимы ($p \leq 0,05$).

Модель 4. Женщины. Модель значима $\chi^2(3) = 63,205$, $p < 0,001$. Критерий Пирсона $p = 0,996$ высокий. Псевдо $R^2 = 0,222$ средний. Допущение TPL $p = 0,039$, немного выходит за границы. OR $\in [0,91; 1,08]$. Все предикторы β значимы ($p \leq 0,05$).

Планируемое количество детей — это сложный конструкт, отражающий комплекс психологических, социально-экономических условий, среди которых особое место занимает обеспеченность жильем. В связи с этим в исследование была включена непсихологическая переменная — наличие жилищных условий, необходимых для создания семьи. Согласно модели 4 (Таблица 2), для женщин жилье не является важным фактором, способствующим принятию решения о рождении детей. Иное отношение к жилищным условиям — в выборке мужчин (Таблица 2, модель 3), для которых обеспеченность жильем является ключевым фактором, определяющим планирование количества детей.

Обсуждение результатов

Планируя исследование, мы исходили из того, что характер репродуктивной активности будет связан с характером эмоциональных связей в семье. Полученные результаты демонстрируют связь особенностей РА с эмоциональными отношениями в семье, со шкалами СЭК *Элиминация эмоций* и *Внешнее благополучие*. Выявлен факт закрытости родительской семьи (проявляющейся в запрете на выражение негативных эмоций) у мужчин и у женщин с высокой репродуктивной активностью. Формальное благополучие затрудняет процесс отделения молодых людей от родителей, а запрет на эмоции способствует сепарации и становлению самостоятельности (Бабкина, 2025). Вероятно, механизм подавления негативных эмоций выполняет защитную функцию, сохраняя устойчивость и преемственность семейной системы.

Характер РА воссоздает характер паттернов семейных коммуникаций в родительской семье. Эмоциональная близость с родителями, позитивные родительские репрезентации способствуют воспроизводству и переносу опыта надежной привязанности к отцу и матери подростков и молодых людей в успешное взаимодействие с супругами и детьми в их будущей молодой семье (Сабельникова и др., 2023).

Результаты корреляций и анализ влияния шкал Опросника привязанности (IPRA) *Доверие к отцу*, *Доверие к матери*, *Общение с матерью*, *Индекса Привязанности к отцу* и *Привязанности к родителям* на РА свидетельствуют о том, что позитивный образ родителей способствует реализации родительства, а отчуждение со стороны родителей является предиктором репродуктивной пассивности.

Положительные связи и позитивное влияние шкал IPRA *Доверие* и *Общение* на РА свидетельствуют о важности родительских *репрезентаций* и актуальных контактов с родителями. Паттерн родительских репрезентаций вначале воспроизводит опыт отношений с родителями, а затем этот опыт переносится в систему отношений с близкими и в дальнейшем воспроизводится в системе межпоколенческой трансмиссии родительских отношений. Доказано, что связь между привязанностью родителей к детям и намерением иметь детей опосредована семейной устойчивостью, семейными убеждениями и традициями, носящими патриархальный характер (Li et al., 2025).

Доверие к матери и отцу и *общение* с матерью и отцом, отслеживаемые шкалами методики IPRA, являются косвенными предикторами РА. Негативные связи и отрицательные влияния шкалы *Отчужденность* к матери и отцу, напротив, снижают показатели РА. Отчуждение вызывает чувство изоляции, гнева, отстраненности. Влияние отчужденности к отцу на низкую готовность к отцовству у мужчин свидетельствует о специфической роли отца в воспитании сына. В исследованиях, выполненных на выборках традиционалистской культуры, отмечается ведущая роль именно отца в формировании и реализации репродуктивных установок (Li et al., 2025).

Негативные родительские репрезентации — неприятие образа родителей — определяют склонность к деструктивной протестной активности, вплоть до отвержения родительских фигур, приводят к незрелости СуперЭго и неприятию стоящих за ним нравственных норм. С другой стороны, помимо отношений привязанности, неизбежно происходит процесс отделения от родителей, стремление к сепарации. Продолжаются дискуссии о возможности баланса между успешной сепарацией, отделением от родителей и сохранением привязанности и доверия, в связи с чем вводятся дополнительные конструкты автономии, независимости и близости (Leonardi, 2000; Simpson, Rhole, 2019). Для оценки самостоятельности-зависимости личности информативна концепция протестной активности (Гусейнов, 2017). Протестная активность — это сложный интегральный феномен, проявляющийся в различных формах личностного позиционирования. Эмансипация как одна из форм протеста и одна из шкал опросника ПАЛ предстает как движение к свободе от внешних детерминант, независимости и автономии, а также реализации собственной субъектности. Позитивные связи и положительное влияние шкалы эмансипации на РА выглядят предсказуемыми, поскольку шкала характеризует зрелую, самодостаточную личность. Однако, протестная активность личности имеет гораздо больше негативных проявлений, связанных с отчужденной активностью. Деструктивные шкалы ПАЛ (эскапизм, нигилизм, негативизм, оппозиция) создают многомерный образ зависимой, противоречивой личности, активно противостоящей всем, неприязненно относящейся к родителям. Эти виды протестной активности отрицательно связаны и негативно влияют на РА, снижая мотивацию к рождению детей. Принятие родительской роли предполагает ответственность. Эскапизм как отказ от активного овладения миром проявляется не только в пассивности в реализации жизненных задач, но, прежде всего, в уходе от ответственности.

Близкая по содержанию система РА определена и у лиц с личностной беспомощностью. Об этом свидетельствует отрицательная связь шкалы руминации и шкалы отчужденности методики «Личностная беспомощность» с показателем РА. Отчужденность фиксирует несформированность доверия к людям, нежелание общаться с коллегами и близкими (Шиповская, Гусейнов, 2026). Фиксация на негативных переживаниях, руминация (длительное обсуждение родителями неудач ребенка) — «возможный источник руминативного негативного мышления во взрослом возрасте» (Холмогорова и др., 2016, с. 104). Результат согласуется с идеей о том, что женщины, находящиеся в неблагоприятных жизненных условиях, в стрессе, склонные к конфликтной коммуникации, не хотят принимать ответственность за рождение детей (Luo et al., 2026).

Определен еще один важный деструктивный фактор, ограничивающий РА — интернет-зависимость. Показано, что чем больше часов люди проводят в интернете, чем ниже их мотивация к рождению детей. Результат согласуется с исследованиями использования Интернета, снижающего репродуктивные намерения

женщин и уровень принятия ими традиционной гендерной роли, связанной с заботой о детях (Liu et al., 2021).

Выводы

Результаты представленного исследования свидетельствуют о том, что благоприятная или неблагоприятная предрасположенность к деторождению формируется еще в родительской семье. Заметную роль в репродуктивной активности играют семейные коммуникации, поддерживающие традиции и сохраняющие преемственность семейной системы, а также доверие, эмоциональная близость и привязанность к родителям. Тип привязанности можно рассматривать как один из факторов, который определяет отношение к родительству, влияя на динамику и специфику репродуктивной активности личности.

Исследование позволяет выделить и факторы репродуктивной пассивности: отчужденность, беспомощность, виртуализация личностного бытия. Деструктивная протестная активность оказывается наиболее сильным предиктором, снижающим мотивацию к рождению детей.

Проанализированы предикторы репродуктивной активности в выборках мужчин и женщин. Для мужчин важными регуляторами РА являются следование традициям, моральная нормативность, уважение к фигуре отца. Для женщин с высокой РА характерно соблюдение норм и традиций, стремление к эмансипации, самостоятельность, бесконфликтность коммуникации.

В исследовании зафиксирована позитивная связь жилищных условий с репродуктивной активностью личности. Для мужчин обеспеченность жильем является ключевым фактором, определяющим планирование количества детей.

Таким образом, репродуктивная активность личности — феномен, сложно детерминированный несколькими группами факторов: особенностями личности субъекта, характером семейных коммуникаций, типом привязанности, наличием жилищных условий.

Ограничения и перспективы исследования

Исследование носит срезовой характер, утверждения о «влиянии», «формировании» и «детерминации» носят гипотетический характер и требуют проверки в дальнейших лонгитюдных исследованиях. В качестве перспективы будущих исследований представляется целесообразным рассмотрение ценностно-смысловых предикторов репродуктивной активности личности.

Практическое применение

Представленное исследование расширяет представление о факторах и механизмах, обуславливающих специфику репродуктивной активности личности. Полученные результаты могут быть интегрированы в образовательные программы и полезны в психологическом консультировании.

Список литературы

Бабкина, А.Ю. (2025). Сепарационные процессы у молодежи: роль семейной коммуникации. *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*, (8), 237–244. <https://doi.org/10.5930/1994-4683-2025-237-244>

Гусейнов, А.Ш. (2017). Психология протестной активности личности. Монография. Краснодар: КГУФКСТ.

Золотова, И.А., Бузина, Т.С., Мисюк, Ю.В. (2026). Новые тенденции современного материнства в клиническом аспекте. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 19(1), 61–82. <https://doi.org/10.11621/ТЕР-26-04>

Колышко, А.М., Карпинский, К.В., Кисельникова, Н.В., Комарова, Т.К. (2014). Психическая регуляция репродуктивных решений. В А.М. Колышко (ред.), *Актуальные проблемы психологии личности и социального взаимодействия* (С. 48–56). Гродно: Изд-во ГрГУ.

Лоскутова, В.А. (2004) Интернет-зависимость как форма нехимических аддитивных расстройств: дисс. канд. мед. наук. Новосибирск.

Моросанова, В.И. (2022). Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3(15), 57–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Пальцева, Т.В. (2006) Психологические условия становления и развития репродуктивных установок в детско-юношеском возрасте от 5 до 18 лет: дисс. канд. психол. наук. Москва.

Рябикина, З.И., Гусейнов, А.Ш., Удачина, П.Ю., Хозяинова, Т.К., Яворчук, Н.А. (2025). Семья как фактор развития личности и ее психологического благополучия. *Южно-российский журнал социальных наук*, 26(3), 6–21. <https://doi.org/10.31429/26190567-26-3-6-21>

Сабельникова, Н.В., Каширский, Д.В., Садовникова, Т.Ю. (2023). Русскоязычная версия опросника привязанности к родителям и сверстникам Г. Армсдена и М. Гринберга. *Психологический журнал*, 44(2), 89–104. <https://doi.org/10.31857/S020595920024910-7>

Фоменко, Г.Ю. (2008). Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты). *Человек. Сообщество. Управление*, (4), 17–30.

Холмогорова, А.Б., Воликова, С.В., Сорокова, М.Г. (2016). Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации». *Консультативная психология и психотерапия*, 24(4), 97–125. <https://doi.org/10.17759/crp20162404005>

Шиповская, В.В., Гусейнов, А.Ш. (2024). Личностная зрелость в аспекте флуктуаций субъектности: монография. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та. <https://elibrary.ru/item.asp?id=73381470>

Шиповская, В.В., Гусейнов, А.Ш. (2026). Методика личностной беспомощности: модификация и валидизация. *Российский психологический журнал*, 23(2), 74–94. <https://www.rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/2057/2231>

Шиповская, В.В. (2010). Особенности проявления личностной беспомощности в ситуации осложнённой беременности. *Южно-российский журнал социальных наук*, (1), 100–113.

Beaujouan, E. (2020). Latest-late fertility? Decline and resurgence of late parenthood across the lowfertility countries. *Population and Development Review*, 46(2), 219–247. <https://doi.org/10.1111/padr.12334>

Belsky, J. (2012). The Development of Human Reproductive Strategies. *Current Directions in Psychological Science*, 21(5), 310–316. <https://doi.org/10.1177/0963721412453588>

Brase, G.L., Brase, S.L. (2012). Emotional Regulation of Fertility Decision Making: What Is the Nature and Structure of “Baby Fever”? *Emotion*, 12(5), 1141–1154. <https://doi.org/10.1037/a0024954>

Clutterbuck, S., Adams, J., Nettle, D. (2014). Childhood Adversity Accelerates Intended Reproductive Timing in Adolescent Girls without Increasing Interest in Infants. *PloS one*, 9(1), e85013. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0085013>

Delpriore, D.J., Hill, S.E. (2013). The Effects of Paternal Disengagement on Women’s Sexual Decision Making: An Experimental Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 105(2), 234–246. <https://doi.org/10.1037/a0032784>

Guzzo, K.B., Hayford, S.R. (2020). Pathways to Parenthood in Social and Family Contexts: Decade in Review. *Journal of Marriage and Family*, 82(1), 117–144. <https://doi.org/10.1111/jomf.12618>

Hartnett, C.S., Gemmill, A. (2020). Recent trends in U.S. childbearing intentions. *Demography*, 57(6), 2035–2045. <https://doi.org/10.1007/s13524-020-00929-w>

Hui Yap, M.B., Pilkington, P.D., Ryan, S.M., Jorm, A.F. (2014). Parental factors associated with depression and anxiety in young people: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, (156), 8–23. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2013.11.007>

Kuersten-Hogan, R., McHale, J.P. (2021). The Transition to Parenthood: A Theoretical and Empirical Overview. In: R. Kuersten-Hogan, J.P. McHale (eds.) *Prenatal Family Dynamics* (pp. 3–21). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51988-9_1

Leondari, A., Kiosseoglou, G. (2000). The Relationship of Parental Attachment and Psychological Separation to the Psychological Functioning of Young Adults. *The Journal of Social Psychology*, 140(4), 451–464. <https://doi.org/10.1080/00224540009600484>

Li, G.Y., You, Z.Q., Yang, G.H. (2025). The relationship between parent-child attachment and fertility intention: the mediating role of family resilience and the moderating role of gender moderating. *Front. Psychol.*, (16), 1669639. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1669639>

Liu, P., Cao, J., Nie, W., Wang, X., Tian, Y., Ma, C. (2021). The Influence of Internet Usage Frequency on Women’s Fertility Intentions — The Mediating Effects of Gender Role Attitudes. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(9), 4784. <https://doi.org/10.3390/IJERPH18094784>

Luo, T., Tang, Q., Lu, J., Li, Y., Wang, A., Kong, F. (2026). The impact of psychological factors on fertility intention among women who have given birth in Shanghai: multiple mediating effects analysis based on the theory of planned behavior. *Reproductive health*, 23(1), 30. <https://doi.org/10.1186/s12978-025-02252-2>

McAllister, L.S., Pepper, G.V., Virgo, S., Coall, D.A. (2016). The evolved psychological mechanisms of fertility motivation: hunting for causation in a sea of correlation. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 371(1692), 20150151. <https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0151>

Rotkirch, A. (2007). 'All that she wants is a(nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance. *Journal of Evolutionary Psychology*, (5), 89–104. <https://doi.org/10.1556/JEP.2007.1010>

Simpson, J.A., Rholes, W.S. (2019). Adult attachment orientations and well-being during the transition to parenthood. *Current Opinion in Psychology*, (25), 47–52. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.02.019>

Uji, M., Kawaguchi, M. (2024). Parent Attachment: Assessment, Effects of Gender Difference, and Mediation between Past Perceived Parenting and Mental Health into Adulthood. *Psychology*, (15), 743–763. <https://doi.org/10.4236/psych.2024.155045>.

References

Babkina, A.Yu. (2025). Separation processes in young people: the role of family communication. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*, (8), 237–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.5930/1994-4683-2025-237-244>

Beaujouan, E. (2020). Latest-late fertility? Decline and resurgence of late parenthood across the lowfertility countries. *Population and Development Review*, 46(2), 219–247. <https://doi.org/10.1111/padr.12334>

Belsky, J. (2012). The Development of Human Reproductive Strategies. *Current Directions in Psychological Science*, 21(5), 310–316. <https://doi.org/10.1177/0963721412453588>

Brase, G.L., Brase, S.L. (2012). Emotional Regulation of Fertility Decision Making: What Is the Nature and Structure of “Baby Fever”? *Emotion*, 12(5), 1141–1154. <https://doi.org/10.1037/a0024954>

Clutterbuck, S., Adams, J., Nettle, D. (2014). Childhood Adversity Accelerates Intended Reproductive Timing in Adolescent Girls without Increasing Interest in Infants. *PloS one*, 9(1), e85013. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0085013>.

Delpriore, D.J., Hill, S.E. (2013). The Effects of Paternal Disengagement on Women's Sexual Decision Making: An Experimental Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 105(2), 234–246. <https://doi.org/10.1037/a0032784>.

Fomenko, G.Yu. (2008). Psychological problems of female infertility in the context of personal contradictions (existential aspects). *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Human. Community. Management*, (4), 17–30. (In Russ.)

Guseinov, A.Sh. (2017). Psychology of Protest Activity of an Individual. Monograph. Krasnodar: KSUFKST. (In Russ.)

Guzzo, K.B., Hayford, S.R. (2020). Pathways to Parenthood in Social and Family Contexts: Decade in Review. *Journal of Marriage and Family*, 82(1), 117–144. <https://doi.org/10.1111/jomf.12618>

Hartnett, C.S., Gemmill, A. (2020). Recent trends in U.S. childbearing intentions. *Demography*, 57(6), 2035–2045. <https://doi.org/10.1007/s13524-020-00929-w>

Hui Yap, M.B., Pilkington, P.D., Ryan, S.M., Jorm, A.F. (2014). Parental factors associated with depression and anxiety in young people: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, (156), 8–23. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2013.11.007>

Kholmogorova, A.B., Volikova, S.V., Sorokova, M.G. (2016). Standardization of the "Family Emotional Communication" Questionnaire. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psihoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(4), 97–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp20162404005>

Kolyshko, A.M., Karpinsky, K.V., Kiselnikova, N.V., Komarova, T.K. (2014). Mental regulation of reproductive decisions. In: A.M. Kolyshko (ed.), *Current Problems of Personality Psychology and Social Interaction* (pp. 48–56). Grodno: GrSU Press. (In Russ.)

Kuersten-Hogan, R., McHale, J.P. (2021). The Transition to Parenthood: A Theoretical and Empirical Overview. In: R. Kuersten-Hogan, J.P. McHale (eds.) *Prenatal Family Dynamics* (pp. 3–21). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51988-9_1

Leondari, A., Kiosseoglou, G. (2000). The Relationship of Parental Attachment and Psychological Separation to the Psychological Functioning of Young Adults. *The Journal of Social Psychology*, 140(4), 451–464. <https://doi.org/10.1080/00224540009600484>

Li, G.Y., You, Z.Q., Yang, G.H. (2025). The relationship between parent-child attachment and fertility intention: the mediating role of family resilience and the moderating role of gender moderating. *Front. Psychol.*, (16), 1669639. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1669639>

Liu, P., Cao, J., Nie, W., Wang, X., Tian, Y., Ma, C. (2021). The Influence of Internet Usage Frequency on Women's Fertility Intentions — The Mediating Effects of Gender Role Attitudes. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(9), 4784. <https://doi.org/10.3390/IJERPH18094784>

Loskutova, V.A. (2004). Internet addiction as a form of nonchemical addictive disorders: dissertation of the candidate of medical sciences: Novosibirsk. (In Russ.)

Luo, T., Tang, Q., Lu, J., Li, Y., Wang, A., Kong, F. (2026). The impact of psychological factors on fertility intention among women who have given birth in Shanghai: multiple mediating effects analysis based on the theory of planned behavior. *Reproductive health*, 23(1), 30. <https://doi.org/10.1186/s12978-025-02252-2>

McAllister, L.S., Pepper, G.V., Virgo, S., Coall, D.A. (2016). The evolved psychological mechanisms of fertility motivation: hunting for causation in a sea of correlation. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 371(1692), 20150151. <https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0151>

Morosanova, V.I. (2022). Psychology of conscious selfregulation: from origins to modern research. *Teoreticheskaya i ehksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 3(15), 57–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Paltseva, T.V. (2006) Psychological conditions of formation and development of reproductive attitudes in childhood and adolescence from 5 to 18 years: dissertation of the candidate. psychological sciences. Moscow. (In Russ.)

Rotkirch, A. (2007). 'All that she wants is a (nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance. *Journal of Evolutionary Psychology*, (5), 89–104. <https://doi.org/10.1556/JEP.2007.1010>

Ryabikina, Z.I., Guseinov, A.Sh., Udachina, P.Yu., Khozyainova, T.K., Yavorchuk, N.A. (2025). Family as a factor in personality development and psychological wellbeing. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk = South Russian Journal of Social Sciences*, 26(3), 6–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.31429/26190567-26-3-6-21>

Sabelnikova, N.V., Kashirsky, D.V., Sadovnikova, T.Yu. (2023). Russian language version of the Attachment to Parents and Peers Questionnaire by G. Armsden and M. Greenberg. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 44(2), 89–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920024910-7>

Shipovskaya, V.V. (2010). Features of the manifestation of personal helplessness in the situation of a complicated pregnancy. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk = South Russian Journal of Social Sciences*, (1), 100–113. (In Russ.)

Shipovskaya, V.V., Guseinov, A.Sh. (2024). Personal maturity in the aspect of fluctuations in subjectivity: a monograph. Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=73381470>

Shipovskaya, V.V., Guseinov, A.Sh. (2026). The Personal Helplessness Methodology: Modification and Validation. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal = Russian Psychological Journal*, 23(2), 74–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2026.2.5>

Simpson, J.A., Rholes, W.S. (2019). Adult attachment orientations and well-being during the transition to parenthood. *Current Opinion in Psychology*, (25), 47–52. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2018.02.019>

Uji, M., Kawaguchi, M. (2024). Parent Attachment: Assessment, Effects of Gender Difference, and Mediation between Past Perceived Parenting and Mental Health into Adulthood. *Psychology*, (15), 743–763. <https://doi.org/10.4236/psych.2024.155045>.

Zolotova, I.A., Buzina, T.S., Misiyuk, Yu.V. (2026). New trends in modern motherhood from a clinical perspective. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psichologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 19(1), 61–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/TEP-26-04>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Шамильевич Гусейнов, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация, aguseinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-7725>

Рябикина Зинаида Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация, z.ryabikina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7396-0115>

Виктория Владимировна Шиповская, кандидат психологических наук, докторант кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация, victship@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8756-9838>

ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr Sh. Guseinov, Dr. Sci. (Psychol.), Professor at the Department of Personality and General Psychology, Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, aguseinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0928-7725>

Zinaida I. Ryabikina, Dr. Sci. (Psychol.), Professor at the Department of Personality and General Psychology, Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation z.ryabikina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7396-0115>

Victoria V. Shipovskaya, Cand. Sci. (Psychol.), doctoral candidate at the Department of Personality and General Psychology, Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, victship@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8756-9838>

Поступила 30.04.2026. Получена после доработки 01.06.2026. Принята в печать 25.06.2026.
Received 30.04.2026. Revised 01.06.2026. Accepted 25.06.2026.